

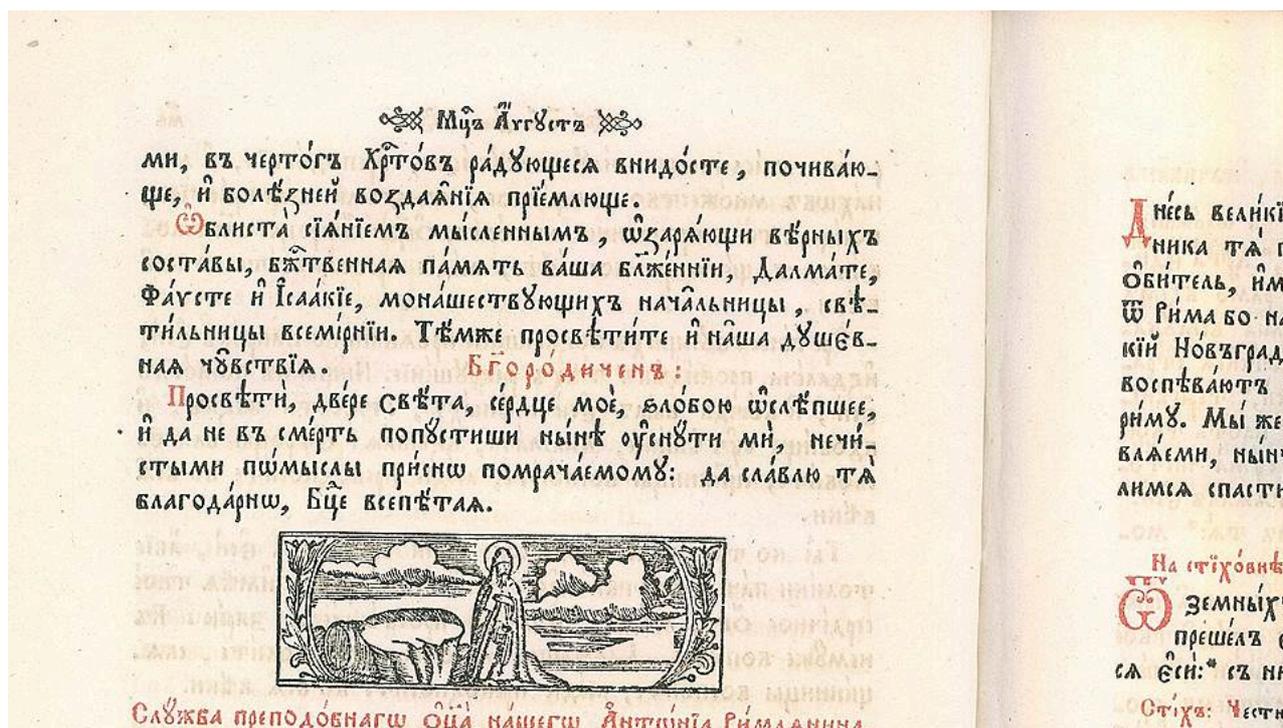
Наука (<https://kommersant.ru/nauka>)

24.02.2017, 00:00

Современное прочтение очень старых слов

Лингвистика

Вышел из печати первый том "Большого словаря церковнославянского языка Нового времени". Это первый опыт академического описания языка, на котором сейчас совершается богослужение в Русской и некоторых славянских православных церквях.

Страница из служебной Минеи, изданной в XIX веке

Язык, которого нет

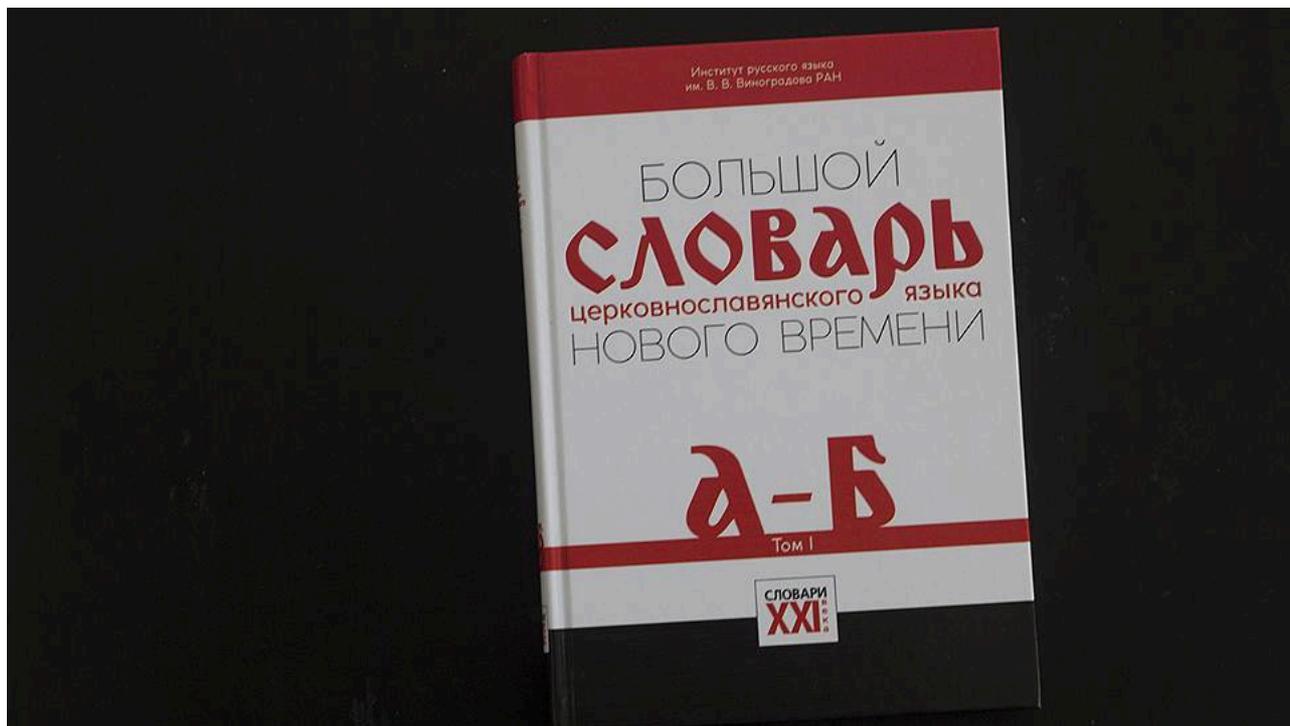
Описывая язык, лингвисты создают грамматику и словарь. Они имеют это в виду даже тогда, когда работают над статьями, посвященными частным вопросам. Ведь любая конкретная лингвистическая работа проясняет часть общей картины, которая в конечном счете описывается словарем (набором элементов, из которых конструируется текст) и грамматикой (описанием законов, в соответствии с которыми это конструирование осуществляется).

Исследователям языка современного богослужения постоянно приходится оправдываться и объяснять, что это за странный язык и почему его стоит изучать. Исторически сложилось так, что славистика занимается или современными языками (в литературном или диалектном

варианте), или же древнейшим периодом истории славянских языков. Старославянский язык, то есть язык древнейших переводов, осуществленных в IX веке Кириллом и Мефодием, а также их ближайшими учениками, изучается в процессе подготовки славистов и русистов. Затем изучается и древнерусский язык. Но все эти древности заканчиваются XVII веком. А обращаясь к XVIII веку, мы вдруг забываем про все, что было раньше, и говорим о вновь возникшем русском литературном языке, пути развития которого обсуждали Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков, Карамзин и его оппонент Шишков. А после того как Пушкин создал на этом языке образцовые тексты, новый язык стал восприниматься как данность, которая существовала всегда. Получается, что история русского литературного языка выглядит следующим образом. Сначала в результате принятия христианства книги, переведенные Кириллом, Мефодием и их учениками, приходят на Русь, где переписываются и редактируются. Церковнославянская письменность получает широкое распространение, а в начале XVIII века куда-то исчезает, а вместо нее появляется "гражданская печать", новый литературный язык и новая литература. Такая упрощенная схема лежит в основе большей части исторических очерков русского языка и литературы.

Реальность, конечно же, была намного сложнее. Новый литературный язык сосуществовал с церковнославянским богослужением, а в течение долгого времени для крестьян и мещан церковнославянский оставался и языком начального образования. Да и на русский литературный язык церковнославянский повлиял очень сильно. Нужно ли напоминать, что знаменитая ломоносовская теория трех стилей была изложена в статье, которая называется "Предисловие о пользе книг церковных в российском языке". Как видно из заглавия, эта статья посвящена той роли, которую церковнославянская письменность играла при формировании русского литературного языка. Это влияние ощущается и сегодня. В русской классической поэзии церковнославянизмы используются как узнаваемый элемент высокого стиля, например, "брег" вместо "берег", "хлад" вместо "холод", "свеща" вместо "свеча" и т. д.

Хотя влияние церковнославянского языка на русский несомненно, филологи практически не изучали церковнославянский язык XVIII-XX веков. А ведь за это время на нем были написаны сотни новых текстов (в первую очередь церковных служб и акафистов). Церковнославянский язык оказался за пределами сферы культуры и интересов исследователей. В нем видели лишь испорченный вариант старославянского языка и не считали достойным внимания.

Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Том I. А-Б / Под ред. А.Г. Кравецкого, А.А. Плетневой.— М.: Словари XXI века, 2016

Возможности новых технологий

То, что поздний церковнославянский является интересным предметом филологических исследований, было осознано лишь в конце XX века. Столь позднее начало изучения этого языка имело не только минусы, но и плюсы. Над исследователями не довлела традиция, поэтому им было психологически легче обращаться к современным методам и приемам. А поскольку начало этих исследований пришлось на эпоху стремительного внедрения компьютерных методов, исследователи сразу же обратились к работе с массивами оцифрованных текстов.

База для компьютерной обработки поздних церковнославянских текстов была создана группой энтузиастов, которые в 2000 году объединились в "Сообщество славянской типографики". Эти люди разработали специальную кодировку, предназначенную для работы с этими текстами,

усовершенствовали методику набора и оцифровали все книги, используемые в современной богослужебной практике. Таким образом, составители словарей (а в будущем — и грамматик) получили тот материал, на основании которого возможно начинать работу над академическим словарем.

В докомпьютерную эпоху работе над словарем предшествовало составление картотеки. Картотека большого словаря — это десятки каталожных шкафов с карточками, на которых для каждого слова выписано множество примеров. Сопоставляя эти примеры, составители словаря выделяют для каждого слова основные значения и описывают их. Для того чтобы представить себе масштаб подобной работы, укажем, что картотека, на основе которой создается Словарь русского языка XI-XVII веков, начала создаваться в 1925 году. А в 2015 году вышел 30-й выпуск, слова на буквы Т и У. Использование оцифрованных текстов позволяет отказаться от трудоемкой подготовки картотеки и извлекать необходимые примеры при помощи специальных программ-конкордансов. Таким образом, одним нажатием клавиши составитель словаря получает на экране все необходимые примеры.

Историю исправления и редактирования богослужебных книг можно проследить по материалам синодального архива

Взаимодействие языков

"Большой словарь церковнославянского языка Нового времени" описывает лексику тех книг, по которым совершается богослужение в Русской и некоторых других православных церквях. Сюда входят все лексемы, встретившиеся в источниках, которыми мы пользуемся. Может возникнуть вопрос, стоит ли включать в двуязычный церковнославяно-русский словарь те слова, которые есть и в русском языке?

Вне всякого сомнения, это стоит делать. Ведь понятность слова часто бывает иллюзорной. Хрестоматийный пример. Читая в одном из посланий апостола Павла фразу "Гони же правду, благочестие, веру, любовь и терпение" (1 Тим. 6.11), нужно знать, что кажущееся вполне понятным слово "гнати" в церковнославянском языке еще имеет и значение 'следовать'. И этот пассаж является призывом следовать правде, а не гнать ее. Таких случаев довольно много, причем часто встречаются и более тонкие семантические различия между словами церковнославянского языка и русского. Например, церковнославянское слово "безкнижный" значит 'неученый, неграмотный, не умеющий читать', "безбедный" — 'безопасный, благополучный', "безвозрастный" — 'новорожденный', "безгодно" — 'не вовремя' и т. д. При этом русский язык подсказывает хоть и близкое, но иное значение.

Нужно сказать, что на протяжении XIX века редакторы богослужебных книг прилагали усилия для того, чтобы уменьшить количество таких вот "ложных друзей переводчика". В частности, из церковнославянских книг удалялись слова, которые человек, говорящий по-русски, воспринимает как неблагозвучные или неприличные. Это такие слова, как "воня", которое в церковнославянском языке означает 'запах, благовоние', "поносный" ('достойный поношения, осуждаемый'), "изблева" ('выплюнуть, извергнуть') и др. И в современных богослужебных книгах такие слова встречаются реже, чем в старопечатных.

Словарь поэтического языка

Основной книгой христианства является Библия, однако в богослужебных книгах (а это 12 томов миней, три тома триодей и некоторые другие) библейские чтения занимают сравнительно скромное место, заметно меньшее, чем богослужебные песнопения. Богослужебные песнопения —

это поэтические тексты, основная часть которых была переведена с греческого. При этом в силу ряда причин читатели и слушатели не воспринимают богослужение как поэзию. Русский читатель составляет представление о византийской поэзии скорее по "Поэтике ранневизантийской литературы" С.С. Аверинцева, чем по текстам, звучащим во время богослужения.

Работая над словарем, мы старались не забывать о том, что имеем дело по большей части с поэтическими текстами. Словарь языка богослужебной поэзии — особый лексикографический жанр. Дело в том, что церковные песнопения активно используют клише, скрытые цитаты из Священного Писания, богословские формулы, из которых, как из элементов набора "Лего", конструируются тексты. Фиксация и описание таких устойчивых выражений совершенно необходима, но вычленив их из текстов бывает довольно сложно. А вот работа с оцифрованными источниками дает для этого совершенно уникальные возможности.

Вот, например, слово "бесстрастие", для которого выделяются два значения. Оно может означать 'бесстрастие, отсутствие страстей', а может — 'отсутствие страданий'. В текстах это слово чаще встречается в составе устойчивых сочетаний. В значении 'отсутствие страстей' — в таких сочетаниях, как "благодать бесстрастия", "гора (высота) бесстрастия", "источник бесстрастия" (обозначения Бога, который дарует победу над страстями), "свет (заря) бесстрастия" и т. д. Это слово также часто употребляется в двух сочетаниях с глаголами — "достигнути бесстрастия" и "украшати(ся) бесстрастием". Встречаются и развернутые метафоры, когда бесстрастие оказывается одеждой, защищающей человека от различных соблазнов и искушений: "одеяться в бесстрастие", "облещися в одежду бесстрастия" и т. д. Во втором значении — 'отсутствие страданий' это слово входит в состав выражения "даровати бесстрастие", причем во всех контекстах речь идет не просто о жизни без страданий, а о жизни в Царствии небесном. По той же причине в ряде богослужебных текстов Царствие небесное названо "пристанищем бесстрастия".

Задача описания поэтического языка заставила нас включать в словарь имена собственные и географические названия, что вообще-то не принято в отечественной лексикографической традиции. Но в нашем случае это необходимо. Ведь имена библейских персонажей также входят

в устойчивые выражения. Приведем лишь один пример. Имя Амалика, внука Исава и родоначальника амалитяков, в богослужебных текстах используется для обозначения опасного врага, которого необходимо победить. Поэтому "мысленный Амалик" — это 'духовный враг, дьявол' (в церковнославянском языке слово "мысленный" указывает на принадлежность к не вещественному, невидимому миру).

Таким образом, современные технологии дают новые возможности для описания лексики церковнославянского языка, не только оказавшего огромное влияние на формирование русского литературного языка, но и сохранившегося в настоящее время в качестве богослужебного языка.

Александр Кравецкий, кандидат филологических наук;

Александра Плетнева, кандидат филологических наук, Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова

«Ъ» в социальных сетях

- Ⓐ В правительстве одобрили новые правила для трудовых мигрантов
- ⓑ В Госдуме пообещали жестко разобраться с «буратинами и бременскими музыкантами»
- Ⓒ Сколько стоят зубы жителей столицы
- ⓓ Президентом Португалии с рекордным числом голосов стал социалист